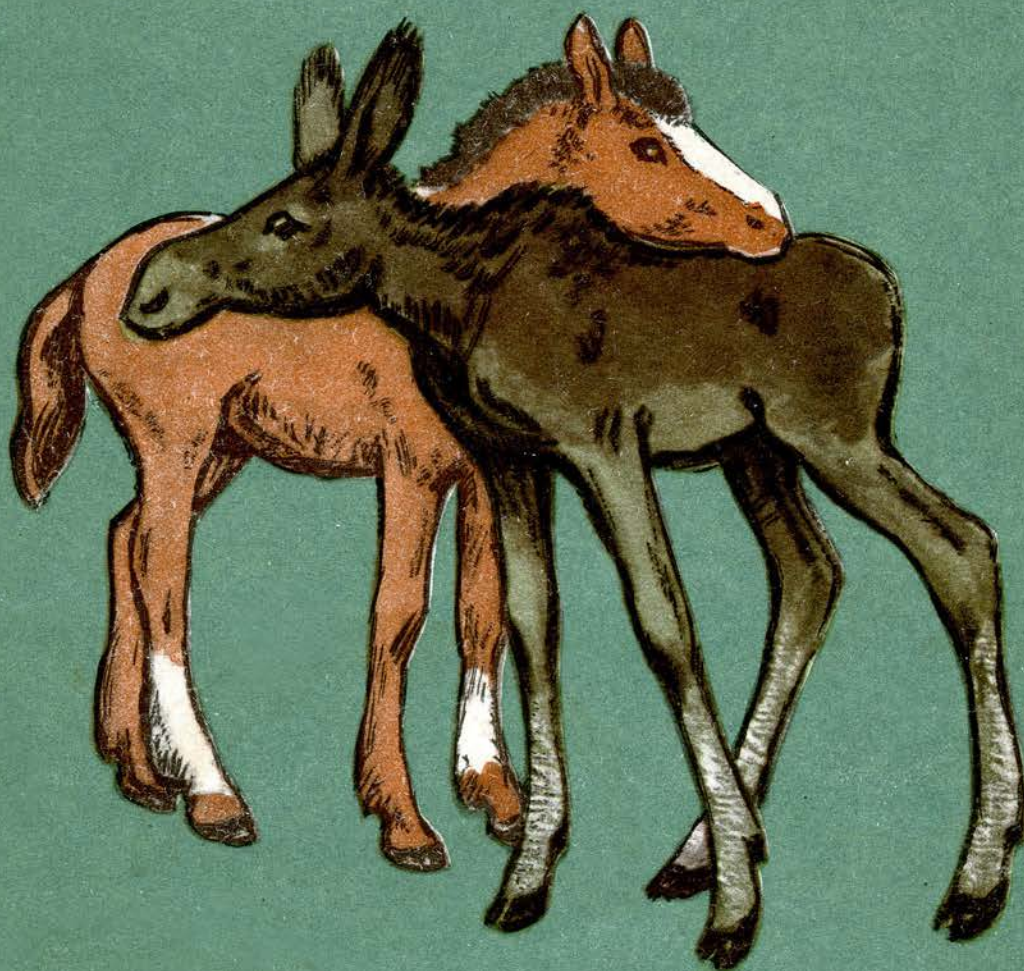

НОРА АРГУНОВА

ЛАТУНЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКИЙ МИР"
МОСКВА • 1962

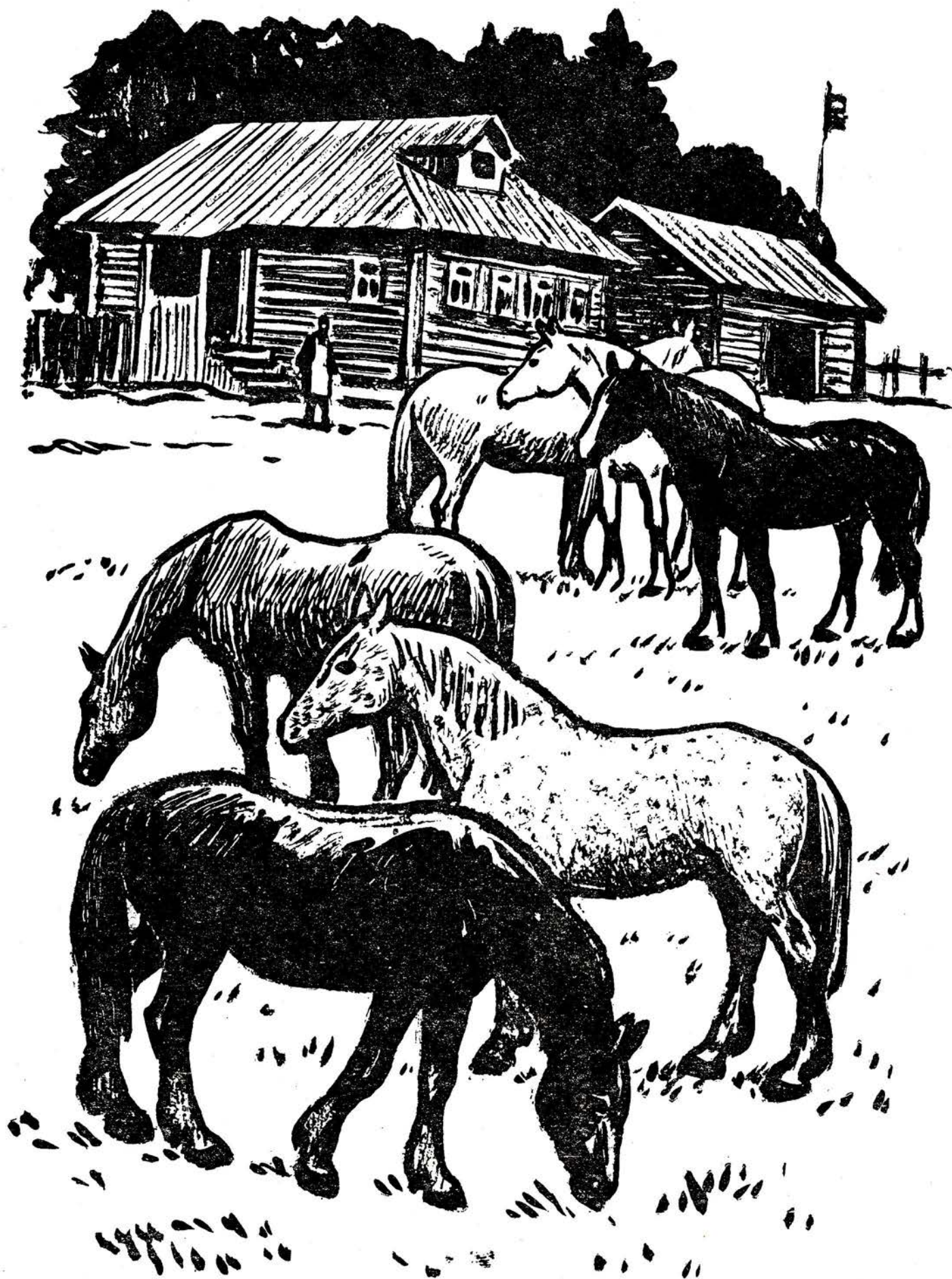
Нора Аргунова

ЛАТУНЯ

РИСУНКИ
Ф. ГЛЕБОВА

Издательство "Детский мир"
Министерства культуры РСФСР

В Тишковском лесничестве было шесть взрослых лошадей и один жеребёнок. Он был кургузый, большеголовый, с мохнатыми бабками и узловатыми коленями, на коротких сильных ногах — уже и сейчас угадывалось, что из этого жеребёнка вырастет хорошая рабочая лошадь.

Имя его было Латунь. Но пока что за лёгкий нрав его звали ласково — Латуня. Латуня всех любил, всем доверял, охотно брал из рук хлеб и сахар, и сахар уже научился не мусолить, не ронять изо рта, а ловко прилаживал кусочек между зубами и звучно схрупывал в одну секунду.

В пяти километрах от лесничества находилась деревня Ржавки. Почти каждый день оттуда на станцию и потом обратно проезжала через лесничество телега, за которой бежал тамошний деревенский жеребёнок Гамлёт, такой же встрёпанный, как и Латуня, только не рыжий, а серый.

Когда телега появлялась, Латуня, кивая большой доброй головой, двигался навстречу, сходил с деревенским жеребёнком, шёл с ним рядом, нюхал ему шею или скулу и отщипывал травинку в том именно месте, где её брал Гамлёт. И часто Латуня уходил за телегой в Ржавки, и конюх Павел Антонович разрешал ему это и не беспокоился о нём.

В ту ночь, когда с Латуней приключилась необыкновенная, удивительная история, Павел Антонович не тревожился, считая, что жеребёнок ночует в колхозной конюшне.

Дело шло к вечеру. На лужке, вокруг которого расположились избы лесничества, важно расхаживали гуси, возле будки, гремя цепью, Шарик шлифовал старую кость, а у колодца теснились лошади.

Павел Антонович был тут же. Он макал старую кисточку для бритья в консервную банку, налитую до краёв нефтью,

и, держа Каракушу, Латунину мать, за уздечку, мазал ей нефтью морду, стараясь не попасть в глаза. Каракуша стояла и терпела, зная по опыту, что нефть защитит её от овода.

На лугу было ещё светло. Красное закатное небо дробилось в колоде с водой, из которой пили лошади, но лес за избами насупился и шумел по-вечернему. Латуня уже напился и ждал, чтобы взрослые закончили дневную суету, вошли в конюшню и разобрались по стойлам спать.

И в этот самый момент, когда каждый был увлечён своим делом, из лесу тихо выступили две фигуры и остановились у самой опушки, разглядывая лужайку.

Их заметил только ничем не занятый жеребёнок. Фигуры — одна большая, другая маленькая — напомнили деревенских знакомых, и Латуня направился к ним.

Но оказалось, что это не деревенские. Это были вообще не лошади, а какие-то, другие существа, с другим запахом, с другой внешностью и — что Латуня почувствовал сразу, ещё не подойдя, — другой, не лошадиной повадки. Деревенская лошадь и её жеребёнок обычно равнодушно, спокойно выходили из лесу на луг, а эти стояли замерев, насторожившись, и, когда Латуня приблизился, большой зверь угрожающе топнул копытом.

Но маленький смотрел с любопытством, он был такого же возраста, как и Латуня, он был товарищем, и Латуня приветливо ткнул его носом в шею. Большой повернулся, бесшумно ступая по выбитой между корнями дороге, пошёл в лес, маленький поспешил следом, и Латуня потянулся за ними.

Никто не заметил, как они исчезли. Только Каракуша

беспокойно затопталась на месте, дёрнула уздечку; но Павел Антонович прикрикнул на неё...

С дороги свернули в чащу. Лосиха, ломая кусты, шла впереди, беспокойно оглядываясь. Она знала и не боялась лошадей, понимала и то, что Латуня ещё маленький; но зачем он идёт за ними, этого она не могла понять. Что, если он обидит её телёнка? Она отлично видела, как низко стоящий на ногах Латуня, толстый и неуклюжий по сравнению с её длинноногим, поджарым телёнком, с трудом продирается сквозь кустарник, и всё ускоряла ход, надеясь, что он отстанет. Но Латуня не отставал. Он царапал грудь о ветки, вскидывал головой, обивал на кочках копыта и мчался из последних сил, стараясь не потерять из виду мелькавший перед ним светлый задок своего нового знакомого.

Стемнело, когда пришли на место. Огромная, пустынная, с причудливо торчащими корнями поваленных деревьев, легла перед ними в смутном ночном освещении дикая поляна. Узкое, с топкими берегами озерцо перекатывало звёзды на ленивой чёрной воде. Лосиха, увязая в глине, шагнула в воду и остановилась на середине, так что была видна только её длинная, с поблёскивающими глазами голова. И лосёнок вошёл в воду и оглянулся на Латуню. Латуня, разъезжаясь на глине и чавкая копытами, двинулся следом и, разгорячённый, измученный, с наслаждением окунулся. Лосёнок попил, и Латуня попил. Потом все поплыли вдоль озера.

Латуня ещё ни разу не плавал, но ему не было страшно. Он, как и всегда, был уверен, что с ним не может случиться ничего плохого, и, хотя приходилось судорожно работать ногами и высоко задирать голову, чтобы не нахлебаться, он весело косился на лосёнка и старался плыть так, чтобы касаться его боком. Тот берег был уже недалеко, но лосиха внезапно повернула обратно и проплыла мимо. При этом, когда она оказалась возле Латуни, она фыркнула, и ему дождём окатило всю морду. И Латуне захотелось так ловко фыркнуть. Он опустил голову, но вода хлынула ему в ноздри, в глазах помутилось, и, почувствовав под ногами землю, он с шумом вырвался на берег.

Оглянувшись, он увидел, как уплывают те двое. Тогда он потрусил за ними по берегу. Телёнок вылез, отряхнулся, и Латуня успокоенно положил голову на его мокрую, тёплую спину. А лосиха долго ещё, не шевелясь, стояла в воде, и звёзды колыхались возле её головы...

Вернулись в лес. Тут, в глухом осиннике, под раскидистым, окружённым кустами деревом, было лежбище — примятая трава и белевшие во тьме обглоданные стволы молодых осин. Лосёнок, сгибая пополам тонкие ножки, лёг, лосиха встала над ним. Латуня повалился тут же, придавив её копыто, и она нервно переступила всеми четырьмя ногами.

Лосёнок вытянул шею, отщипнул коры, дёрнув, оторвал узкую полоску до самого корня и стал жевать. И Латуня, оттопырив губы, поскрёб ствол передними зубами. Вот новость! Во рту появился чудесный вкус, куда острее, чем от редиски, которую Латуня повадился дома дёргать на огороде. Он теперь зорко следил за лосёнком: что ещё тот будет есть? Лосёнок сорвал с корня мох, и Латуня сорвал мох. Это оказалось жестковато, зато какой аромат! Лосёнок съел мох, а Латуня пожевал, пососал, выплюнул, взял ещё и снова стал сосать.

Наконец легла и лосиха. Она заснула, но дышала тихо,

часто сдерживала дыхание, прислушиваясь, и уши у неё поворачивались в разные стороны, отзываясь на каждый шорох. А лосёнок спал беспечно, посапывая, побряхтывая, вздрагивая во сне и перебирая ногами. Наверное, ему мерещилось, что он бежит или плывёт, а один раз ему привиделось, будто он прыгает через пень, и он весь дёрнулся и посмотрел на Латуню сонными детскими глазами.

Латуня не мог заснуть. Его ещё не пускали в ночное, и он впервые в жизни ночевал на воле. Всё ему было внове: и звуки, и запахи, и движение таинственного ночного леса,

Крупная птица, распластав крылья, бесшумно пролетела между чёрными стволами, и глаза у неё вспыхнули, как у кошки, жившей в лесничестве. Незнакомый зверёк подошёл, вытянул гибкую, как у гуся, шею, посмотрел Латуне в лицо и, скользнув пушистым хвостом по Латуниной ноге, исчез. Потом на земле появилась зелёная искра, она мигала и переливалась, и Латуня с удивлением заметил, что она живая и что она ползёт. Он ткнулся понюхать её — она погасла...

Влажный туман с холодным, терпким, совсем непохожим на дневной запахом трав, от которого так глубоко дышалось,

и особенно странный звериный дух, исходивший от лосей, волновали Латуню до головокружения, и неясные образы и мечты наполнили Латунину душу.

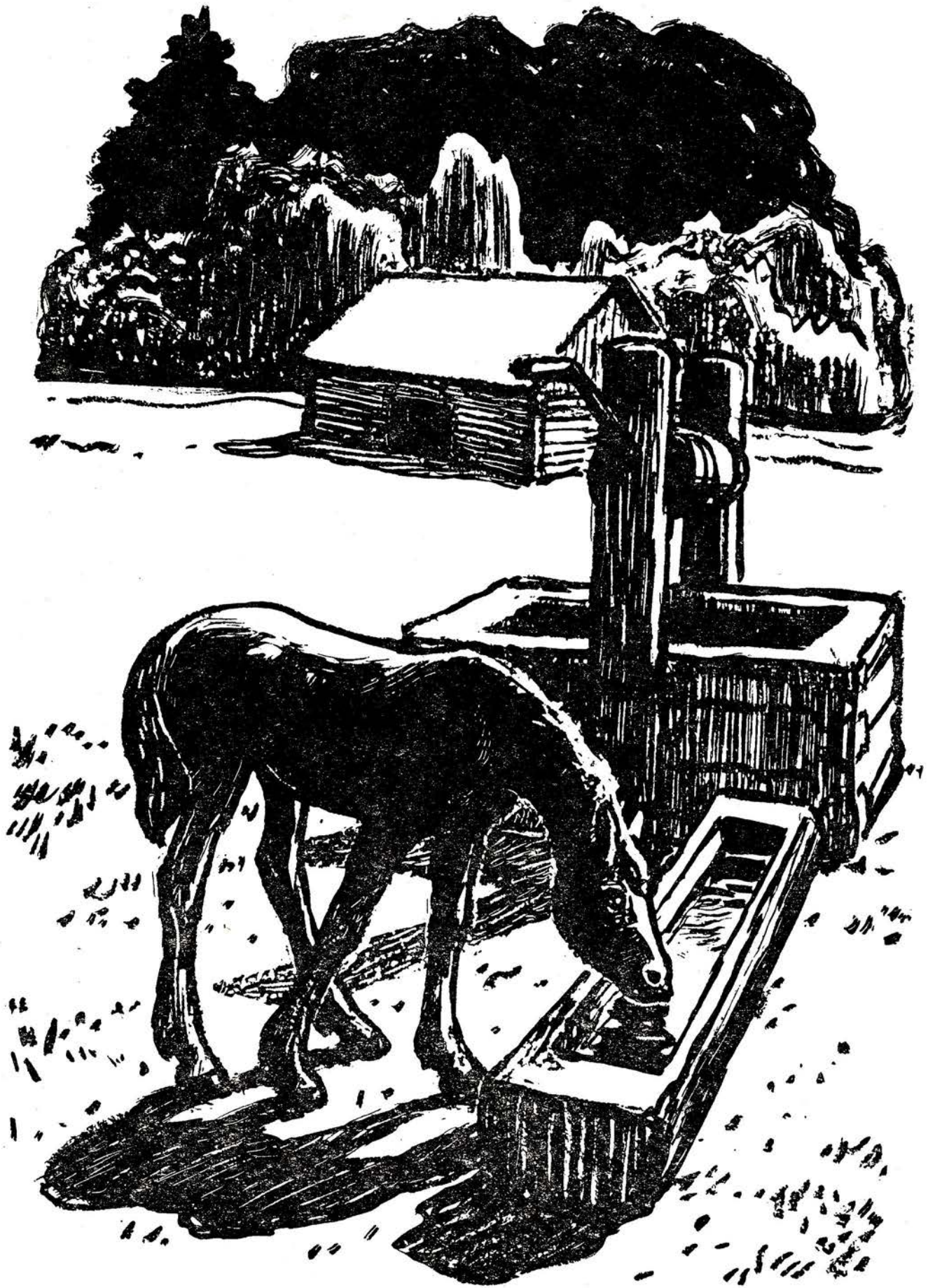
То видел он жеребца Митьку, которого в первый раз впрягли в телегу, и жеребец рассердился, завизжал, встал на дыбы, и понёс, и в щепки расшиб телегу о ворота. Латуня не мог понять, что поразило его тогда в Митьке, но он вспомнил об этом, и даже шкура у него на спине содрогнулась от восхищения.

То представился ему Павел Антонович, принимавший граблями сено на верху стога, забравшийся так высоко, под самое небо, куда не допрыгнуть ни одному жеребёнку на свете. И Латуня воображал, что не Павел Антонович, а он сам гордо стоит на этой безумной высоте, а гуси, никогда не обращавшие на него внимания, и грозный Шарик, и даже сам жеребец Митька смотрят на него снизу со страхом и уважением.

Или видел он плывущее в страшной небесной дали облако — только недавно, дня три назад, Латуня заметил, что в небе двигаются облака, — и ему мерещилось уже чёрт знает что: будто он и есть это облако с ослепительно белой шкурой и с белой гривой, и что он скачет по голубому лугу и ест голубую траву...

Всю ночь у Латуни жадно трепетали ноздри, ходуном ходили бока, и в бедной его голове творилось такое, чего не выразишь никакими словами. И только когда жёсткие листья осин начали биться от предутреннего ветерка и туман двинулся, и пополз, цепляясь за кусты, и потянулся к вершинам деревьев, Латуня на минуту забылся сном. А открыв глаза, увидел, что лоси исчезли.

Латуня вскочил и закричал на весь лес. Никто не отзывался. Он прислушался. Шелестели деревья и кусты, и какая-то птичка уже запевала свою раннюю песню. Латуня понюхал землю. Звериным теплом ударило ему в ноздри, и он опять высоко вскинул голову и позвал. Потом печально побрёл, сам не зная куда...

Он вернулся домой через два дня. Все уже знали, что его не было в Ржавках, Павел Антонович искал его повсюду и теперь обрадовался, увидев, как Латуня выходит из лесу. Он пошёл к Латуне с протянутой рукой, но жеребёнок вдруг шарахнулся, и Павел Антонович с удивлением заметил, что на спине у него волосы встали дыбом. И выглядел Латуня необычно: бока у него запали, грива встрёпана и вся в репьях, взгляд беспокойный... Он припал к колоде с водой и пил, пил, пил не отрываясь.

До вечера он не подпускал к себе Павла Антоновича, всё отбегал к опушке, туда, где начинается пробитая среди корней дорога, и, глядя в лес, кого-то звал.

Только Каракуша сумела заманить его в конюшню. Но и здесь, когда стемнело, он стал волноваться, то и дело подходил к дверям и через щели в досках шумно втягивал в себя ночной воздух.

На другой день Латуня пришёл в себя. Опять он давал себя гладить, опять с удовольствием хрупал сахар, а вечером терпеливо ждал, пока взрослые закончат свои дела и можно будет войти в конюшню и забраться в стойло—спать.

Так и прошла эта удивительная история, о которой все, и сам Латуня, скоро забыли и смысла которой никто никогда не разгадал.

Цена 6 коп.

Для младшего школьного возраста

Нора Аргунова

ЛАТУНЯ

Ответственный редактор Э. Степченко. Художественный редактор Г. Коптелова
Технический редактор В. Голубева. Корректоры С. Блакштейн, Н. Пьянкова
Подписано к печати 31.VIII.62 г. Бумага 60×92 $\frac{1}{8}$ —2 печ. л. (1,7 уч.-изд. л.) Тираж 200 000 экз.
Изд. № 1087. Заказ № 2404.

Издательство «Детский мир» Министерства культуры РСФСР
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Московского городского Совнархоза
Москва, Ж-54, Валуевская, 28.